

Глава 1. Пролог. Утраченный сон на высокой башне

Почему этот снег никак не утихнет?

Границы между небом и землей стерлись. Остался лишь бескрайний, тяжелый саван, чьи края бешено металась под порывами яростного ветра, стремясь поглотить весь мир. В этой ослепительной белизне тонули очертания обугленных горных хребтов и руины крепостных стен, сухие скелеты деревьев и горы трупов. Даже огни фонарей, еще теплившиеся в городе, лишились своих контуров, превратившись в размытые пятна среди снежного марева.

Снова этот сон.

Дань Фэн уже не удивлялся — он просто ждал.

Снег обрушивался сверху, с грохотом рассыпаясь мириадами искр. Плотные потоки, низвергавшиеся с гребня шлема, напоминали водопады: они не причиняли явной боли, но давили своей неумолимой, свинцовой тяжестью. От каждого удара челюсти сводило судорогой, а в голове отзывался гулкий эхо. В запредельном холоде тепло жизни стремительно испарялось, и вскоре все чувства притупились, уничтоженные ледяной стихией.

Он не знал, где находится и сколько еще придется ждать. Он знал лишь одно: когда метель окончательно поглотит его, мучениям придет конец.

Но вопреки этой мысли он продолжал шевелить пальцами. Резким движением распахнул плащ, стряхивая налипший снег.

Пусть в этом призрачном мире останется хотя бы одна упрямая черная точка — последний страж на краю небытия.

«Я не хочу засыпать и не желаю просыпаться вот так, ведь я еще не... еще не...»

Завывание ветра становилось всё громче.

Наконец, оно пришло.

Зрачки Дань Фэна сузились. Впереди, вырастая прямо из горных склонов, воздвиглась высокая платформа. Одинокая и величественная среди обломков бывшего величия, она застыла в самом сердце бурана, словно отвечая ему безмолвным, но решительным взглядом.

Сердце пропустило удар. Дань Фэн сорвался с места и бросился к башне.

Едва он преодолел сотню шагов, как сквозь пелену метели промелькнула синяя тень. Некто уже поднимался на вершину. Сначала медленно, затем всё быстрее — рукава и черные волосы развевались в едином порыве, а на серебристо-синем церемониальном одеянии вспыхивали отсветы снега. Человек превратился в яростный, сверкающий вихрь.

Дань Фэн не видел его лица и не слышал голоса, но внезапно ощутил пронзительную, яростную скорбь, что ударила в него, подобно спущенной тетиве. Он знал: когда-то они делили и радость, и горе, иначе откуда бы взяться этой уверенности в чужом выборе?

Ветер может затихать, может возвращаться к покинутым берегам, но он никогда не оборачивается назад.

Синий силуэт плавно скользнул вниз.

Дань Фэн вспомнил. Он видел это бессчетное количество раз в своих кошмарах — падающий с башни в метель!

— Не уходи... Ваше Высочество!

Разве мог он позволить этому чистому синему цвету раствориться в грязном, кровавом снегу?

Не раздумывая, он вскинулся, в прыжке широко раскинул руки и поймал падающее тело. Оно оказалось почти невесомым, но от этого удара содрогнулась вся его грудная клетка. Венец слетел с головы принца, ледяные черные пряди рассыпались по доспехам Дань Фэна, покрываясь инеем и превращаясь в призрачную реку холодного света.

— Я вернулся, Ваше Высочество! — зубы его выбивали дробь. Близость этого человека пробудила в душе мучительную, выжигающую нутро тоску. Ему хотелось лишь одного — увидеть это лицо, рассмотреть его до мельчайших черточек. Но оно было подобно отражению в древнем, запыленном зеркале: одно неверное движение — и образ исчезнет.

Дань Фэн осторожно потянулся к нему, заочневшими пальцами смахивая снег и убирая пряди с чела, но внезапно его рука замерла и мелко задрожала.

Кровавое месиво. Обломки белых костей.

От знакомых черт не осталось и следа.

«Как это произошло? Кто посмел сотворить такое?!»

По краям черепа вились струйки черного дыма. Остатки плоти продолжали плавиться, сочась сквозь его пальцы. Даже самое жестокое запретное искусство не должно было приводить к

подобному. Тело в синих одеждах содрогнулось, позвоночник выгнулся — немой крик невыносимой боли, которую невозможно излить.

Дань Фэн до боли сжал это хрупкое существо в объятиях, пытаясь согреть его спину. Скелет в его руках медленно поднял голову, и уцелевший уголок бледных губ изогнулся в подобии улыбки.

— Фэнъе... Решил вернуться в родные края?

— Это я! Скажи, кто сотворил это с тобой?

— А кто я?

— Конечно, ты... нет, я... — Имя, готовое сорваться с губ, застряло в горле, словно покрытое ржавчиной. Дань Фэна захлестнул ледяной ужас. — Почему я не могу вспомнить? Я не мог забыть тебя! Я искал тебя всё это время!

— Ты нарушил клятву, — прошептал голос, — а потому забыл. Всё кончено. Дальше я пойду своей дорогой, а ты... уходи.

— Нарушил клятву?

Эти слова ударили сильнее любого бича. Тело в его руках в мгновение ока превратилось в бесплотную тень и проскользнуло сквозь объятия.

Тень...

Голову пронзила невыносимая боль. Обрывки воспоминаний обрушились на него, оставляя после себя лишь ядовитый осадок ненависти.

Почему этот проклятый снег никак не утихнет?

Призрачная башня, безмолвный город, бесконечная метель.

— Что же я наделал?

Тень стала холодной и безучастной:

— Тебе пора просыпаться. Если ты снова попытаешься приблизиться ко мне, я стану твоим вечным кошмаром.

Дань Фэн долго молчал, прежде чем тихо произнести:

— Но ты всё еще там, в снегу. Ты так и не нашел выход. Позволь мне забрать тебя... в последний раз. Хорошо?

Тень рассмеялась — в этом звуке сквозило нечто темное, порочное. Ее серо-черный силуэт расплывался, но взгляд, застывший на Дань Фэне, сиял ледяным блеском.

Слова коснулись его слуха, прежде чем ветер унес их прочь:

— Ты сам этого захотел.

Он, наконец, смог обнять эту тень. Сбросив доспехи, он бережно спрятал ее у самой груди и зашагал к горизонту, туда, где кончалась метель.

— Снаружи слишком шумно, — прошептала тень. — Можно мне взять тебя за руку?

Он раскрыл ладонь, ощутил прикосновение тонких, призрачных пальцев и шагнул за снежную завесу.

Мир взорвался пламенем. Гул битвы ворвался в его сознание. Его братья по школе, его верные соратники — все они стояли перед ним, израненные, едва держащиеся на ногах, опираясь на мечи среди бушующего зноя. Они оборачивались к нему.

— Вы вернулись? Глава!

— Слава богам! Алтарь Сюэлянь разрушен, в этой битве наконец наступил перелом! Владыка Обители ждет вас!

— Потери ужасающи... Братья... они почти все...

Среди этого многоголосья вновь прозвучал тихий шепот тени:

— Сладкий ли это сон, Дань Фэн?

Дань Фэн почувствовал, как на его лице дрогнул мускул. Его рука невольно поднялась, и чудовищная, полная ненависти и холода мощь вырвалась на свободу. Черная пелена накрыла всё вокруг, и знакомые лица в тот же миг рассыпались алой пылью.

Запретная техника Переделки Тени — Иллюзия из плоти и крови!

«Срочное донесение Союза Бессмертных! Глава Фэнъе из Обители Сихэ вступил в сговор с нечистью Сюэлянь! В битве у озера Белой Пагоды он истребил сотню элитных бойцов Сихэ, вырезав всех учеников собственной ветви!»

«Неужели это правда? Спутаться с Сюэлянь и накликасть снежную напасть... это преступление против небес!»

«Он ведь обладатель духовного корня огня, как он мог пойти на сделку с Сюэлянь? Лед и пламя несовместимы, тут явно кроется какая-то тайна...»

«Тайна? Пха! Обычная зависть. Его истинный огонь угас, и хотя Обитель Сихэ не оставила его в беде из почтения к прошлому, он проявил волчью натуру и переметнулся к врагу!»

«Дань Фэн и раньше не гнушался злодеяниями под крылом Сихэ. Пруд Громового Кургана — его рук дело! Говорят, и Святой монах Букун из провинции Милосердной Земли пал от его меча, да только кто смел вякнуть? Но небеса всё видят!»

«Настоящий демон. На этот раз Сихэ его не пощадит. Это кара!»

«Что происходит... Мои руки... Почему всё вокруг залито кровью? Проснись! Скорее проснись!»

Резкая боль прошла тело. Раскаленные золотые кольца вонзились в суставы.

Но он не обращал на это внимания. Голос следователя, холодный и суровый, ранил сердце глубже любых пыток.

— Дань Фэн. Глава Клинков Фэнъе с восемнадцати лет. Ты служил этой должности девяносто лет.

— По твоей вине Владыка Обители тяжело ранен и до сих пор не пришел в себя. Погибли сто пятьдесят три ученика. Двадцать три мастера Мечей Шаоян... И семьдесят пять твоих собственных воинов из Клинков Фэнъе.

— Битва у озера Белой Пагоды проиграна. Сюэлянь захватила пятнадцать орденов во владениях Сихэ. Бесчисленное множество людей убито. Тех, кто отказался подчиниться, сдирали с них кожу и замораживали за пределами великой формации, и лед этот не тает по сей день.

— Как ты смеешь называть себя учителем, другом... Главой?!

«Кошмар... расплата... я... как же так?»

Дань Фэн содрогнулся, и золотые оковы отозвались яростным звоном.

Он зашевелил потрескавшимися губами, желая спросить о многом, но смог выдать лишь одно:

— ...Тень.

— Ты запретную технику ты не мог применить в одиночку, — произнес следователь. — Кто эта тень?

— Я... не знаю.

— Это прозвище кого-то из верхушки Сюэлянь?

— Я не знаю!

— Упрямец. Приказ Пурпурной террасы гласит: каждого, кто предал своего наставника и школу, будучи главой, надлежит предать казни через расчленение алыми оковами-арбалетами Чжужуна, без права на перерождение.

— Но пока Владыка Обители не очнулся, пока твой кармический долг не выплачен, а души павших не упокоены, ты приговариваешься к заточению на дне озера Ганьцзян. Ты будешь исповедоваться в своих преступлениях в темнице Кармического Пламени, — голос следователя, чьи черные одежды оставались неподвижны даже среди огня, на мгновение дрогнул. — Прах твоих учеников еще не остыл. Их тени всё еще блуждают в этом море пламени.

Алые искры плясали перед его глазами.

«Глава...»

«Учитель, почему?!»

«Кто он?»

«Кто это был!»

— Я не знаю, я не знаю! У кого мне спросить?!

Холодный пот градом катился по лицу. Дань Фэн резко вскочил, вонзая нож в землю, чтобы удержать равновесие. Сталь отозвалась чистым, резким звоном, а отблеск снега ледяной иглой

полоснул его по глазам.

Он проснулся.

Некоторое время он сидел неподвижно, затем вытянул клинок и коснулся пальцем лезвия. Нож отколол кусок камня, и земля под ним всё еще мелко дрожала. Грохот потревоженного снега на вершине горы вызвал небольшой обвал, переполошив торговый караван в ущелье. Люди принялись спешно проверять груз и укреплять защитные формации, но вскоре суета утихла.

Всё успокоилось. И он тоже. Образы из сна, навязчивые мысли и бешеное сердцебиение рассеялись, подобно туману.

Шел десятый год его скитаний по заснеженным пустошам.

Он привык спать в обнимку с оружием, прибываясь то к крупным, то к мелким караванам, посещая города и селения, но нигде не задерживаясь надолго. У него была лишь одна цель — выследить ту самую тень.

В долине Белого Облака мела метель, скрывая лунный свет. Он поправил маску из шкуры серого волка, запахнул плащ, превращаясь в рослого и сурового скитальца. Лишь на шее на мгновение вспыхнули золотом алые оковы-арбалет Чжужуна, пронзающие кожу и кость, но тут же погасли.

Эта смертельная цепь навечно скрепила его с тем жутким именем.

Десятый год эры Небесного Наказания, одиннадцатый месяц. Кровавая бойня у озера Белой Пагоды. Дань Фэн — Тень в снегу!

Уши под капюшоном уловили подозрительный звук. Дань Фэн спрыгнул с каменного выступа и растворился в сумраке ущелья.

<http://bllate.org/book/16978/1580448>